

НОВАЯ ГАЗЕТА

«НОВАЯ ГАЗЕТА. ЖУРНАЛ» • ОБЩЕСТВО

«О прилетах нас предупреждал кот. Ни разу не ошибся»

Что пережили заложники Суджи за семь месяцев оккупации

Кот семьи Телевиновых Шустрик. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

12:14, 20 марта 2025,

Алексей Душутин

«Новая газета»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

С десятых чисел марта из Суджи и Суджанского района вывозят жителей, остававшихся на оккупированной ВСУ территории с августа прошлого года. Всего, согласно спискам, здесь могут находиться до двух тысяч суджан. Это те самые люди, которые на протяжении семи месяцев жили без связи, электричества, отопления, газа, медикаментов, продуктов питания и даже питьевой воды.

Родственники жителей, своевременно не эвакуированных и брошенных без помощи в Судже и окрестных поселках, все это время молили власти обеих враждующих стран о «зеленом коридоре». Натыкались на стену непонимания и неучастия. Коридора не дождался никто, спасения дождались не все.

Семье священника Сергея Телевинова, проживавшей в Судже, путем нечеловеческих усилий удалось сохранить рассудок и жизнь.

Спасение

О том, что российские войска вошли в Суджу, Телевиновы узнали случайно. 10 марта пришла соседка, сказала, что видела военных на соседней улице, мол, ходили проверяли гаражи и сараи. Еще пару дней назад по искореженным и израненным улицам Суджи бродили военные с синими повязками (отличительный знак солдат ВСУ). В момент их сменили такие же солдаты, но с красными тряпицами на рукавах и коленях.

Рядом с трехэтажкой, где оставались жить Телевиновы и еще две семьи, до последних дней базировались украинские дрончики, постоянно запускали своих «птичек», и малых, и больших. Была даже «Баба-яга» на шесть винтов:

— Ее звук мне в кошмарах будет сниться, — говорит Наталья Телевинова, закрывая лицо руками. — А тут раз — и как отрезало, два дня тишины, подозрительно, никогда такого не было, ни людей в форме, ни жужжания дронов. В тот день же другая соседка прибежала, глаза по полтиннику, речь сбивчивая: «Наши в городе, точно они. Сначала подумала: украинцы, а повязки-то все красные, куртки грязные, лица чумазые, уставшие». «Ну как вы тут, ждали нас? Извините, что так долго. Теперь все наладится, будет безопасно» — так сказал один из бойцов.

Наталья Телевинова. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Чуть позже Телевиновы и сами в окна увидели военных. Сначала редкие группы, потом их становилось все больше и больше. Внезапное появление российских солдат без боев и взрывов вызывало недоумение. Первые ребята выглядели измотанными. Тогда еще никто не знал, что они через газовую трубу пришли. На следующий день, куда ни кинь взор, всюду были они, курили, смеялись, махали руками, приветствовали, показывали жестами, что все под контролем. Соседи принесли хлеб, тушенку — паек от военных, сказали, через пару дней будет эвакуация. Только после этих слов все поверили, что это не сон и не провокация.

В сердце Натальи осталась лишь тревога по поводу лежачей матери и домашних животных: заберут ли всех? Солдаты успокоили: с мамой помогут и кошку с собакой не оставят. Эвакуировались Телевиновы двумя машинами МЧС. В одной — Наталья с мамой. Во второй — отец с животными: белым котом Шустриком и большим псом Дружком, еще к ним посадили соседей по дому — супругов Фурсовых. Уезжали уже под звуки взрывов и гул дронов.

По дороге пробили колесо, так и продолжили ехать — запаски не оказалось. «После того, что мы пережили, с нами теперь ничего не может случиться» — такой мыслью тешила себя Наталья, пока обе машины не добрались до ближайшего населенного пункта. Там всех пересадили в автобус, который направился в Железногорск, где волонтеры в ПВР (пункт временного размещения) уже принимали людей из Суджи и окрестных сел.

Воссоединение

С четырех утра 12 марта отец Сергей (в миру — Сергей Телевинов) был уже в пути за рулем своего старенького автомобиля, он ехал за своими родными в ПВР, развернутый еще в августе в Железногорске. Кроме этого, суджан принимали

во Льгове, Дмитриеве и других городах Курской области, так как ПВР Курска оказались переполненными, мест не было. После этого родственники, которые могли, забирали спасенных к себе — в самые разные города. Так происходит по сей день. Спасение людей — процесс не быстрый.

Последний раз Сергей Телевинов виделся со своими родителями и сестрой в декабре 2023 года на дне рождения отца. 600 километров дорог между Суджей и селом в Воронежской области, где живет отец Сергей, делали их встречи редкими. Все семь с лишним месяцев оккупации связи с родными в Судже не было (не считая нескольких видеосообщений, которые передали украинские волонтеры). Впервые голос сестры по телефону Сергей Телевинов услышал в тот день, когда семью эвакуировали из Суджи. Это стало возможным в результате операции Вооруженных сил РФ под незатейливым названием «Поток», после которой украинские подразделения стали отступать из занимаемых ими городов и сел.

В операции «Поток», которую в соцсетях прозвали «Труба», участвовали более 800 бойцов российской армии.

Приготовления шли три недели. За это время из трубы откачивали метан и запускали кислород, складировали боеприпасы и продовольствие. Заход в трубу был малыми группами в течение четырех дней. Преодолев пешком расстояние 15 километров внутри бывшего газопровода, некогда соединяющего Россию с Европой, диаметром около полутора метров, военные ждали приказа к выходу. 10 марта он был дан. Глубокий тыл ВСУ, 15 километров от военной линии соприкосновения. Одновременно с выходом ВС РФ начали атаку по направлению к прорыву десанта.

Опустим тонкости и подробности этой военной операции, оставив их экспертам. Но с этого момента у людей, запертых на родине, появился шанс на эвакуацию и жизнь.

Стрелка геолокации от села Пыховка Воронежской области до города Железногорск уверенно двигалась по намеченному маршруту. Скоростные ограничения уже никак не могли совладать с рвущейся на встречу с близкими людьми душой священнослужителя. Расстояние в 620 километров, машина, которая в любой момент может встать колом, прошла менее чем за 7 часов. Вот как описывает долгожданную встречу с родными сам отец Сергей:

«В Курской области GPS работал абсолютно без сбоев, что было непривычным. Обычно, работа РЭБ рушит всю систему навигации. ПВР, куда привезли моих родителей и сестру, оказался бывшим ангаром магазина «Ашан».

Бетонные блоки и шлагбаум, на въезде — охрана. Машину попросили оставить за территорией — режимный объект. После записи в книге учета пошел пешком. В самом здании еще охрана и опять вопросы. Остановили в резкой форме, напомнили про режимность объекта. Вызвали начальника, моя фамилия ему ничего не сказала, но на встречу с родными дал добро.

Обстановка внутри не понравилась сразу. Ощущение густоты и липкости воздуха, будто боль и страдание висели незримым духом. Неприветливые и изможденные лица вокруг. Огромное помещение размером с футбольное поле, поделенное на сектора зелеными пластиковыми шторами. Койки стояли вплотную друг к другу. В некоторых местах были проходы, чтобы можно было протиснуться паре людей или одной инвалидной коляске. На одной из коек лежала пожилая женщина, над которой склонились люди в белых халатах. Она им что-то тихо шептала. Рядом стояла капельница. Помещение жило своей хаотичной и скорбной жизнью, похожей на апокалипсическое видение. Иду через ряды коек как в замедленном кино. Молодая женщина в спортивном костюме не по размеру громко матерится и истерически смеется. Старушка сидит на кровати, низко склонив голову и обхватив ее ладонями. Даже постоянный лай маленькой собачки на соседней койке не в силах поднять голову женщины. Мужчина в возрасте тупо смотрит в сумку с вещами и что-то там ищет. Кажется, что он это делает, просто чтобы что-то делать. Эти образы были словно вырваны из чьего-то кошмара, они давили, было больно смотреть.

Очнулся и моментально пришел в себя, когда увидел

очень худую фигуру, которая быстро бежала навстречу. Я не сразу узнал в ней свою сестру. Только услышав голос и свое имя, понял — это она! Обнялись. Она повисла на мне как плеть: невесомая и угловатая. Еле сдерживал слезы. Она плакала. Так и стояли с ней несколько минут. Чуть успокоившись, Наташа взяла меня за руку и повела вперед. По дороге пытался в фигурах и лицах узнать своих родителей. Сестренка остановилась около двух изможденных старичков. Это они. Мама сидела в инвалидной коляске, ее сильно поседевшая голова содрогалась от тихого плача. Отец, белый как лунь, сторбленный и страшно исхудавший. Мы с ним обнялись. Он заплакал навзрыд. Потом обнял маму. В тот миг пришло понимание: теперь никогда и никуда их от себя не отпущу! Никто и ничто не сможет отнять их у меня!

Вещей было немного — четыре пакета, перевязанных липкой лентой, на каждом была наклейка с фамилией. Оставалось только решить некоторые бумажные вопросы; ими занялась сестра, а я попросил встречу с главным распорядителем. Сергей Сергеевич на мою просьбу снять обзорное видео внутри ПВР ответил решительным, но вежливым отказом, сославшись на всю ту же режимность объекта. Зато он распорядился пропустить нашу легковушку на территорию, чтобы можно было погрузить вещи и маме не пришлось бы с костылями ковылять до стоянки. Спасибо ему за это. Наташе и родителям не терпелось покинуть это место: «Не хочу ни минуты лишней оставаться здесь, увези нас домой». Охранники вслед смотрели с жалостью и будто что-то хотели сказать в утешение. Мы уезжали, чтобы начать новую жизнь».

Вторжение

Вернемся на семь месяцев назад в Суджу. Первые дни последнего месяца лета были пропитаны сухим зноем, жара усугублялась дымом с горящих полей. Город жил своей обычной прифронтовой жизнью. 5 августа случился мощнейший удар украинской артиллерией. Бомбили центр Суджи. Одновременно пропали электричество, газ, сотовая связь. Ночью ракеты полетели уже и над трехэтажкой, где жили Телевиновы. Но думали, все будет как обычно, постреляют и закончится. Утром Наталье в магазине, где она работает, показали сообщение, в котором говорилось, что жителям Суджи рекомендуется покинуть город на два-три дня, тем, у кого нет личного автомобиля, — запастись продуктами и водой и несколько дней посидеть дома. Обосновано это было тем, что ВСУ планировали пересечение границы Суджанского района.

Официально эвакуация не была объявлена и даже не планировалась. Как стало известно позднее, например, в селе Замостье людей вывозили централизованно. Суджанская администрация таких действий не проводила, хотя в их распоряжении был автопарк с автобусами. Персонал магазина сразу же отправили по домам, как пришла информация, что украинские танки видели в селе Гончаровка (2 километра до Суджи). В первые дни оставшиеся жители верили в российскую армию. Они были уверены, что их защитят, что их не бросили.

«Ночью 6 августа начался ад, — вспоминает Наталья, — ракеты одна за другой летели над крышей дома, все тряслось, с полок падали вещи, с улицы доносился гул и грохот, со стороны вокзала доносились взрывы. Всю ночь мы просидели в обнимку в коридоре. Молились и

плакали. За несколько дней до этого над нами часто дроны-разведчики зависали, изучали. Каким-то чудом в наш дом ни одной ракеты не прилетело, хотя он самый большой в Судже: четыре подъезда, три этажа, мы на первом. Светопреставление продолжалось всю ночь, под утро стихло. Зареванная, на ватных ногах, я еще умудрилась пойти в магазин, — продолжает свой рассказ Наталья, с болью в глазах вспоминая события того дня. — Нужно же было узнать, что дальше делать, как быть. Город был пуст. Ни полиции, ни военных, никого. У магазина меня встретил мой начальник, сказал, кто смог — уехали в Курск, остальные по домам, с сегодняшнего дня не работаем».

Днем в дом, где из квартирантов остались только Телевиновы и еще две семьи, пришли солдаты ВСУ. Наталья и ее родители видели украинских военных впервые воочию: чистая форма, каски, бронежилеты, оружие. Сперва люди в камуфляже были напряжены и неучтивы, моментами грубы, пока не убедились, что в квартирах не прятались российские военные.

«Мама в комнате неходячая, я в оцепенении, только отец как-то пытался возражать присутствию незнакомцев, такой характер, — продолжает вспоминать Наталья события тех дней. — Один из бойцов уже в квартире сказал: «Вы не бойтесь, мы не воюем с мирным населением, у нас приказ». Агрессии от них не шло. Проверили все помещения, комнаты, шкафы, под

кроватями, балкон. Заходили они только в квартиры, где жили люди, закрытые двери не трогали. На дверях квартир, где кто-то жил, военные попросили написать: «Здесь живут люди». Через несколько дней другая группа военных прошла и взломала закрытые двери, чтобы убедиться, что за ними никого нет. Тогда-то мы и поняли, что люди покинули дом ночью, втихую. Прожили под одной крышей 30 лет, и никто не пришел попрощаться».

«Из 42 квартир осталось три семьи, — вступает в разговор Дмитрий Иванович, отец Натальи, — нет, еще Поляковы, Виктор и Раиса, муж с женой, значит, четыре. Она через пару дней сильно занемогла, ей срочная медицинская помощь нужна была. Ему пришлось погрузить ее на машину и попытаться вырваться. Виктор ходил к военным, их танк у нас за домом стоял, спрашивал, сможет ли он проехать? «А кто его знает, мы держать не будем, а как там на блокпостах, мы сами не знаем» — так ему ответили. На свой страх и риск уехали. Только больше их никто не видел ни живыми, ни мертвыми. В Курске они не появились. Пашка, сосед, сказал, что их машину в городе видел, номера сбитые были, за рулем уже не Виктор был», — замолкает Дмитрий Иванович и опускает полностью седую голову.

Сергей Телевинов с отцом Дмитрием Ивановичем. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Выживание

Те, кому удалось вовремя покинуть Суджу, надеялись на скорое возвращение. Во многих квартирах и домах остались кошки и собаки, не говоря уже о сельскохозяйственной живности в хлевах. Все они потом оказались на улицах города. Украинцы выбивали окна и взламывали сараи, выпуская животных, чтобы те хотя бы не умирали от голода в домах. Свиньи, коровы, козы ходили по улицам с обезумевшими глазами и ревели. Зима, конечно, вряд ли кого-то пощадила. Военные повскрывали подвалы с продуктами питания, чтобы оставшиеся жители смогли как-то пополнять свои продовольственные запасы. То же самое было и с местными магазинами. Кто из жителей понаглей — успевали набрать всего и с достатком, тащили все, в том числе и ненужные для выживания вещи.

Наталья не сразу смогла пойти в магазин, чтобы взять что-то

съестное, — совесть мучила. Когда уже отец ей сказал: «Зарплату тебе последнюю не заплатили, вот и возьмем в зачет нее продуктов».

Только тогда она договорилась со своей совестью, и вместе с отцом они принесли из магазина несколько пачек крупы, чай, горошек в банках — это была первая дальняя вылазка в город спустя месяц нахождения в доме.

«Приходилось есть и сырую картошку — гадость, конечно, сырые макароны вкуснее, мы их заливали холодной водой, — вспоминает, тяжело вздыхая, Дмитрий Иванович. — Плитка газовая у нас не сразу появилась, а костры во дворах запрещено было палить. Помидоры с огорода своего, морковка. Чем-то соседи делились, помогали друг другу. За водой я к колодцу стал ходить, когда наш запас закончился. Пластиковые кеги в тележку и вперед. Два километра туда, два обратно. Литров 60 за раз привозил — недели на три хватало. В сентябре украинские волонтеры в первый раз принесли продуктовые наборы, по коробу на человека, в каждом: масло подсолнечное, мука, крупа, тушенка, средства гигиены. Так было два раза, а после уже приносили только хлеб, но и за это им спасибо».

Вся тяжелая техника, а также производственное оборудование Мясокомбината и Маслодельного завода были вывезены

военными в Украину в первые же дни. Гаражи вскрывали, машины забирали, если хозяев не было.

«У нас-то автомобиля не было, — продолжает свой рассказ Дмитрий Иванович, — но тачка, в которой я дрова возил, была. Однажды стою около дома, выгружаю поленья. Смотрю, из дома военный выходит с телевизором и ко мне. Говорит, бать, дай тачанку, отвезти командиру аппарат нужно. А я ему — что же ты чужое-то забираешь? Боец смутился, но тут же выпалил — а ты хочешь, чтобы по радиоволне от телевизора дрон в квартиру залетел? И смех, и грех. Ну дал я ему тачку. Мысленно с ней попрощался, без нее ой как худо будет. Каково же было мое удивление, когда нашу тачку на следующий день у сарая нашел, целехонькой. Всякое бывало, и люди всякие бывают».

В начале ноября у Телевиновых появилась печка-буржуйка. Тогда же к ним пришли волонтеры из Украины, не те, что с продуктами, а другие, которые записывали видеоролики с суджанами. На видео люди давали небольшие комментарии и передавали приветы тем, кто их разыскивал. Тут стоит пояснить, что волонтеры не случайно пришли к семье Сергея Телевинова, именно он самостоятельно вышел на них, дал адрес и попросил узнать, как живут его родные.

Отец Сергей смотрит видео с сестрой, записанное волонтерами в Судже, декабрь 2024 года. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Так Наталья с родителями узнали, что Сергей их активно разыскивает и в своих поисках дошел до глав противоборствующих стран. Хотя и редкая, но налаженная переписка через видеосообщения давала едва теплившуюся надежду. За время своей работы волонтеры успели помочь сотням людей увидеть своих родственников в Судже, и главное — узнать, что они живы. Делали они это по своей воле, рискуя жизнями. Один из них в январе был ранен.

1 февраля случилась трагедия — была разрушена суджанская школа-интернат, где жили суджане, оставшиеся без крова. Четыре человека погибли, более восьмидесяти извлекли живыми из-под завалов. Обе стороны, российская и украинская, перекладывали вину за произошедшее друг на друга. Из-за активизации боевых действий волонтерскую деятельность пришлось свернуть.

Зимой, когда российские войска начали наступление, стали нередкими прилеты. Попало в Маслодельный завод, осколками чуть не убив Дмитрия Ивановича.

«Мы с Дружком (пес семьи Телевиновых) рубили дрова за домом, — вспоминает 78-летний мужчина события того дня. — Вдруг пронзительный гул и после оглушительный взрыв со стороны завода. До него метров триста от дома. Я успел ничком упасть на землю. Осколки шифера и камни пронесли над моей головой. Рядом пес заскулил и как-то неестественно подпрыгнул. Но ничего, жив остался, только контузило его. С тех пор головой из стороны в сторону машет и воет по ночам. Тем взрывом нам в квартире все стекла повыбивало и дверь на балконе вынесло — такой силы ударная волна была».

Дмитрий Иванович и пес Дружок. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Второй питомец, с которым Телевиновы прожили бок о бок все семь месяцев в оккупированной Судже, — белый кот по кличке Шустрик — пушистое облачко с лапами и усами. «Шустрик нас предупреждал о прилетах, — почесывая загривок животного, перехватывает слово Наталья, — если он прижимал уши и бежал в переноску, значит, скоро бабахнет. Мы сразу же кота в охапку и в подвал. Через пару минут всегда бахало. Ни разу не ошибся, такое чутье у него. Последние два с половиной месяца мама уже не поднималась в квартиру, оборудовали ей лежанку прямо в подвале. Кот тоже нехотя поднимался в квартиру, внизу как-то спокойнее было, звуки взрывов не слышались».

Наталья, весь наш разговор пытавшаяся сдерживать эмоции, вдруг расплакалась. В соседней комнате упал один из костылей мамы — Нины Ивановны. За окном давно отыграл закат, большой деревянный стол на кухне был накрыт к ужину. Уже за общим столом воссоединившейся семьи отцу Сергию позвонили. Извинившись и отойдя в сторону, он тихо начал

вести с кем-то беседу. По выражению лица было видно, что разговор непростой. Повесив трубку, священник взял блокнот и на одной из страниц записал имя, сверху страницы жирной чертой были подчеркнуты слова «за упокой души».

Не все из тех, кто с августа оставался в Судже и Суджанском районе, дожили до сегодня. По данным оперативного штаба (в него входят представители Курской областной администрации, МЧС, МВД, Российского Красного Креста, аппарата уполномоченного по правам человека в РФ и волонтеры), более 300 жителей Суджи и Суджанского района на сегодняшний день найдены погибшими или умершими.

524 человека на утро 19 марта вывезены из города и окрестных сел. Процесс это непростой. Какие-то дороги разбиты, какие-то заминированы. Где-то еще остаются украинские военные и продолжаются бои. Дроны в приграничье прилетают все так же неожиданно. Но так или иначе сейчас каждый день сразу в несколько семей приходят радостные вести об эвакуации их близких из Суджи и окрестностей. Всего, согласно спискам, предполагается вывезти из этой зоны не менее 1800 человек.

Курская область

СПРАВКА «НОВОЙ»

Об отце Сергии (Сергее Телевинове) и его родных, проживающих в Судже, «Новая» рассказывала неоднократно, как и о его попытках достучаться до властей двух стран и международных организаций, чтобы организовать зеленый коридор для выхода из Суджи попавших в западню людей. ССЫЛКИ

Отец Сергей родился и вырос в Судже. До 2009 года служил в приходах Суджанского района. Затем разошелся во взглядах с официальной церковью и вместе с женой и четырьмя детьми уехал в другой регион.

Последние 16 лет священнослужитель со своей семьей проживал в крохотном селе Пыховка на окраине Воронежской области. Сейчас они с матушкой остались здесь вдвоем: дети выросли, разъехались учиться по разным городам, но часто навещают родителей.

Медийной личностью отец Сергей стал вынужденно — в августе 2024 года. Когда ВСУ вошли в Курскую область и частично заняли ее территорию, в том числе — практически полностью Суджу и Суджанский район. Отрезанными от остальной России оказалось не менее двух тысяч человек. Заложниками ситуации, живым щитом для двух враждующих армий стали и близкие родственники Телевинова — сестра Наташа и мать с отцом, Нина Ивановна и Дмитрий Иванович. Священник не смог убедить родственников уехать, хотя в первых числах августа, пока существовала такая возможность, был готов забрать их на своей машине.

— Родители чувствовали надежду, — объясняет Сергей.
— Им давали надежду на то, что это все несерьезно. Они говорили: мы привыкли к обстрелам, это всё быстро кончится, здесь *** никогда не будет.

Родные Телевинова ошиблись, как и многие другие суджане. А он на долгое время потерял с ними связь, но не надежду на встречу. В середине августа отец Сергей

выступил одним из инициаторов составления списков людей, оставшихся в зоне боевых действий в Курской области. Затем, в сентябре прошлого года, стал одним из авторов петиции к президентам и омбудсменам России и Украины с просьбой о гуманитарном коридоре из Суджи. За последние семь месяцев таких обращений было не меньше трех, но власти двух враждующих стран ни на одно не ответили согласием. Обе стороны настаивали на том, что коридор невозможен, потому что от него отказывается другая сторона.

Этот материал выйдет в шестом номере «Новая газета. Журнал». Купить его можно в онлайн-магазине наших [партнеров](#).

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«Мой храм уместается в моем чемодане»](#)

В богом забытом селе на краю Воронежской области священник напоминает о том, что всё зло на земле творит человек

14:22, 24 февраля 2025, Нина Петлянова, Алексей Душутин